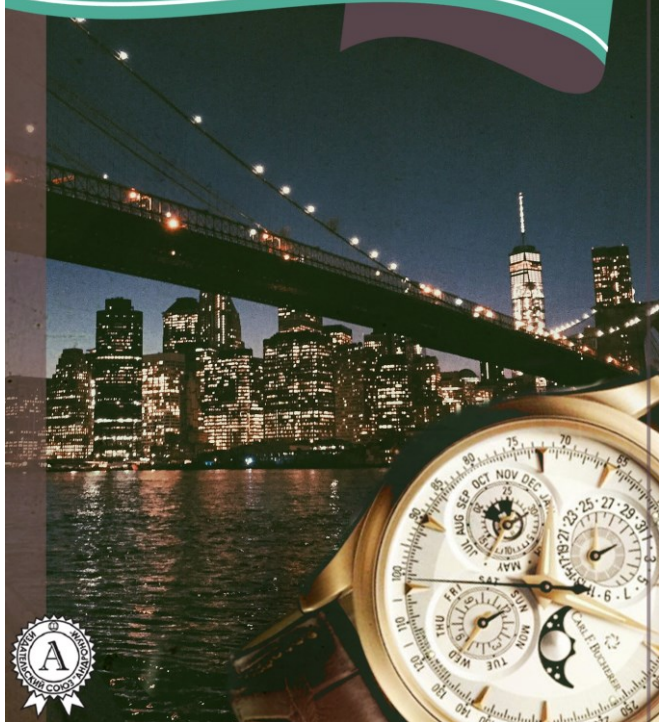

Леонид САВЕЛЬЕВ

Мясо по-французски

Короткие рассказы Леонида Савельева глубоки и проникновенны. Образы героев — всего лишь наброски, но в этих набросках читатель легко узнаёт реальных людей, живущих рядом, или самого себя. Не увлекаясь описанием подробностей, автор оголяет лишь суть происходящего, оставляя образы отчасти абстрактными.

Каждый рассказ начинается тихим повествованием о человеке, об обстоятельствах, о выборе, а в финале приобретает неожиданную сюжетную развязку. Любовь, смерть, одиночество, болезнь, разочарование — обо всём автор говорит одинаково сдержанно. В описании пороков и добродетелей он беспристрастен и оставляет свои переживания за кадром.

Современный, самобытный и яркий язык, неожиданные сюжетные повороты будут одинаково интересны и увлекательны и искушённому читателю и новичку.

Эта книга вышла в печатном издании в 2015 году под названием одноименного рассказа из книги «Часы смерти».

В электронном виде автор решил назвать книгу по другому одноименному рассказу «Мясо по-французски».

Леонид Савельев

МЯСО ПО-ФРАНЦУЗСКИ Сборник рассказов

Голограмма

Сатаров завёл машину. Открыв дверь, вышел, взял из багажника щётку. Закурил. Начав задумчиво скидывать снег, вспоминал разговор с женой.

— Саш! Это мещанство! Ты стал очень зависим от всего материального. Ты же художник, Саш!

— Надь! Ты о чем? Мои картины дадут деньги? На что жить будем? А сейчас ещё кризис этот...

— Если бы ты продолжал писать, возможно, и были бы... Ты хоронишь свой талант, Саш!

— А на что мы ремонт будем делать? На что тебе машину покупать? Чем платить за гимназию Славика? Да жрать что, в конце концов???

— Да не нужна мне машина! Ремонт... Саш, вслед за ремонтом ещё что-то понадобится. Ты вспомни, как ты писал! Ты совершенно забросил своё творчество! Я выходила замуж за художника... Я была влюблена в твои картины... В тебя за мольбертом.

— А сейчас, значит, не любишь?

— ...Не знаю... Наверное, люблю... Но ты стал совсем другим человеком...

— Странная ты баба, Надь... Нормальные жёны только бы радовались, что муж зарабатывает... Не любишь, значит...

— Ну, я-то ненормальная, наверное, ты же знаешь... Просто дни и годы идут, а ты вместо творчества продаёшь свои машины... Вот подумай, сын уже скоро вырастет, он не будет уже в нас так нуждаться... И вот мы с тобой старые сидим тут на кухне, смотрим на дорогой ремонт, на мебель нашу, за окном у нас дорогие машины. Сын где-то далеко в своей семье. И Саша, помирать уже скоро, а жили

для чего? Я-то ладно! Я и замуж выходила за любимого, чтобы мой любимый развивал свой талант... Ведь мужчину делает женщина. А ты? Ты прожил, чтобы обставлять себя комфортом, а что в итоге после тебя останется? Лишь твои восхитительные ранние работы...

— И что ты предлагаешь? — Сатаров вскочил со стула. — У меня ответственность за тебя, за сына! Не носи ерунды! Я — на работу... Легко говорить, когда деньги есть...

Бросив в снег окурок, взглянул на своё окно. В окне стояла Надя. Махнув ей рукой, он вырулил на дорогу. Включил музыку. Пел Нил Хоффман. Музыка прервалась, включилась громкая связь — слышались гудки. Нажав кнопку на руле, принял вызов.

— Саня, привет!

— О! Андрюха, здорова!

— Как сам?

— Да ничего, вроде. Дом — работа...

— Ты машинами-то до сих пор занимаешься?

— Ну да... Конечно.

— Слушай, мне тут свою поменять нужно, у тебя есть что-то приличное?

— Андрюха, приезжай, посмотришь. У меня сейчас всего 12 машин... Тебе что интересно-то? У тебя какая?

— «Камри». Ты сейчас у себя?

— Смотрю, физики у нас в стране зарабатывать начали!.. Еду, буду через минут пятнадцать.

— Да мне, наоборот, что-то подешевле, поэкономичнее нужно. Ладно, подъеду тогда через часок к тебе.

— О'кей. Тогда проще. Давай! Жду.

Приехав на работу, зашёл в свой вагончик. Бытовка была поделена на два небольших кабинета. Светка уже сидела за компьютером в своей комнате.

— Привет, Свет! Был кто с утра?

— Да заходили парочку...

Помотались-помотались и ушли.

— Ясно. Сделай мне чайку.

Сняв куртку, сел за стол и включил ноутбук.

— Вам с лимоном, Александр Викторович?

— Да.

Сатаров допивал чай и смотрел в окно, когда на территорию въехал Андрей. Саша улыбнулся и, накинув куртку, пошёл показывать свои автомобили старому приятелю.

— Ну, конечно, тебе после твоей стрёмно сначала будет: классом-то пониже, попроще. Но она свежее, Андрюх, да и ремонта не требует. Но доплатить много не смогу.

— Сколько сможешь?

— Не могу сказать пока... Прикинуть нужно будет. Позвоню тебе тогда.

— Хорошо... Скажи тогда, кстати, а ест она сколько? Актуально в кризис...

— Ну да... Дорожает всё, как на дрожжах. Литров восемь жрёт...

— Ну, нормально...

— Тогда созвонимся. Ты как сам-то? Всё в институте?

— Ну да. Кредит вот три года назад на машину ещё сдуру взял... Финансирование рубят...

— Кому сейчас легко... Чайку не хочешь на ход ноги? Что на морозе-то стоять?!

— Да можно...

Они сидели с чашками чая, на столе лежала открытая коробка с конфетами. Андрей смотрел в окно. Бродячая собака, подняв лапу, поливала на выбранную им машину.

— Вот так и люди, как это собака... Конечно, объяснение есть всему, но нет таких гениев, которые смогли бы их понять. Человеческий разум ограничен. И он достиг своего предела. И мы, как эта собака, которой никогда не понять, как устроен автомобиль...

— Ты это сейчас к чему?

— Да, занимаюсь исследованиями с космологами и астрофизиками из Лондона... По

переписке, разумеется — сам не был в Лондоне... Так вот, похоже, наш мир иллюзорен, и он — голограмма.

— Матрица?

— Ну, что-то вроде того... Причем, это совершенно точно. Мы исследовали все съемки Млечного Пути с космического телеспутника. И знаешь, при приближении четкость картинки пропадает, становится всё размыто.

— Поясни... Не понял.

— Ну вот возьми фото любое: вроде картинка, а увеличиваешь — всё в мелких зернах... Так вот и там: по мере приближения все становится размыто и точках... Это, пойми, явь, а не фото... Мы живём в голограмме вселенских масштабов... Пространство-время не является непрерывной линией. И доказательств этому всё больше... Матрица, как ты говоришь!

— Ты серьёзно? Я не совсем улавливаю, Андрюх... Не мог бы ты как-то предельно просто объяснить... В нескольких фразах самую суть?

— Саш... Объяснить могу и одной фразой. Но чтобы её понять, тебе потребуются годы.

— Ну, объясни.

— Нас реально НЕ существует!

Сатаров смотрел в глаза товарища. Почему-то после этой фразы по спине побежали мурашки.

Андрей отвёл глаза и опять посмотрел в окно. Собаки не было.

— И одновременно, Саня, существует несколько реальностей. Одновременно мы можем быть в тысячах мест, с миллионами разных судеб. Одновременно... Ладно, Саш, мне в институт пора. Ты позвонишь тогда?

— Если бы мне говорил всё это кто-то другой, я бы пропустил мимо ушей... Но ты меня, Андрей, в ступор ввёл.

— Да я сам в ступоре, дружище... Доказательства всему непроверяемые! И чем дальше погружаемся — тем больше. Ладно, мне, правда, пора. Встретимся ещё.

Андрей поднялся, протягивая руку. Сатаров сглотнул слюну и протянул влажную ладонь.

* * *

Сатаров открыл дверь и вошёл в свою квартиру. Подойдя к мольберту, он сел напротив картины и пристально в неё уставился. Его старая сталинская квартира, оставшаяся ему от бабушки, была превращена им в мастерскую. Кругом стояли его работы. Смотря на картину, он думал о только что состоявшемся разговоре с Надей.

— Надь! Это мещанство! Ты постепенно стала очень зависима от всего материального. Ты стала как все!

— Саш! Ты о чем? На что я жить буду? А сейчас ещё кризис этот...

— Да нет, понятно... Тебе приходится вести этот бизнес. Славик учится в лучшей гимназии. Ты фактически рассталась со мной — мы живём порознь... У меня нет денег — всё ясно. Я о другом...

— А что ты предлагаешь? Бросить всё? Или заняться обслуживанием ещё и тебя? Да, Саш, ты талантлив у тебя великолепные картины... Но... много но... Чем платить за гимназию Славика? На что купить квартиру для Славика? На что сделать ремонт? Да жрать что, в конце концов!?

— Надь, вслед за ремонтом ещё что-то понадобится. Ты вспомни, как было! Ты выходила замуж за художника... Ты была влюблена в мои картины... В меня за мольбертом. И я тебя так же любил... Почему все изменилось? Почему главным стало материальное? Ты же не была такой! Как я тебя любил...

— А сейчас, значит, не любишь???

— ...Не знаю... Наверное, люблю... Но ты стала совсем другим человеком...

— Станный ты мужик, Саша. Другая баба бы с тебя три шкуры содрала за то, что мне самой

приходится ребёнка растить, и бизнес вести, и хозяйство. Ещё и деньги тебе на холсты и краски давать... А ты ушёл сам — тебе так удобнее сидеть там и писать свои картины. Жил бы ты с нами — к тебе и требования были бы другие!

— Наденька... Вот подумай, сын уже скоро вырастет, он не будет уже ни в тебе ни во мне так нуждаться... И вот мы с тобой такие старые сидим тут на кухне, смотрим на дорогой ремонт, мебель нашу, за окном у нас дорогие машины. Сын где-то далеко в своей семье. И, Надя, помирать уже скоро, а жили для чего?... Выходит, мы прожили, чтобы обставлять себя комфортом, а что в итоге после нас останется? А останется лишь этот дом, ремонт и машины... И кому это нужно? Разве для этого жизнь?

— И чего ты предлагаешь? — Надя устало взглянула на него. — У меня ответственность за тебя, за сына! Не носи ерунды!.. Легко говорить, когда у меня деньги есть... Когда я от тебя ничего не требую... Пиши, Саш... Ты талантлив... У тебя потрясающие картины. Кстати, почему ты их не продаёшь?

— Художник должен писать, а не продавать. Продавать должны галеристы.

— Ну, так пусть галеристы этим займутся — предложи им!

— Это, опять же, не моя работа... Я должен писать картины — в этом моя жизнь!

Надя тяжело вздохнула, с тоской посмотрев на него. Они подошли друг к другу и обнялись. Надя ласково гладила его по спине, Саша гладил её голову.

— Мне на работу пора, Саш... Тебя подвезти?

— Нет, Наденька, не нужно, я — на маршрутке.

— Завтра придёшь? Есть-то что есть там у тебя?

— Приду... Вечерком. Да найду, что поесть... Спасибо тебе, милая. Люблю тебя очень!..

— До завтра тогда... И я тебя люблю, милый мой!..

Часы смерти

Сложно. Нервно. Вот ведь сволочь! Они же дружили с детства! Вот ведь скотина! Нужно успокоиться. Припарковавшись у моста, стал искать сигареты в бардачке. Руки дрожали от возбуждения. Курить бросил месяц назад. Всё равно. Какая разница, бросил — не бросил!.. Сволочь-то какая! Сейчас ли думать о здоровье!.. Как он мог меня кинуть?! Мы же были друзья! Были ли? С друзьями так не поступают. Зазвонил телефон:

— Да, Алён.

— Виталь, как там дела? Что с деньгами?

— Нет денег, уже — точно. Я только что из банка. Он снял всё, оставил ровно на налоги, зарплаты сотрудникам и ещё какой-то «хвост» — вероятно, мне как компенсацию заплаты. Всё просчитал, сволочь. «Оборотки» нет!.. Все деньги. Бизнес придется, возможно, закрывать. Или в кредиты влезать... И Тимохина, похоже, уже и в стране нет.

— ...И что теперь?

— Жить дальше, Алён... Я буду где-то через час, выберемся из проблем. Не волнуйся!

— Давай. Приезжай тогда, я уходить в магазин собралась за продуктами, но успею за час смотаться.

— Ок.

— Вит!

— А?

— Не переживай так, любимый! Выберемся!

— Ок. Буду — жди.

Бросил телефон на пассажирское сиденье. Сигареты нашлись в дальнем углу. Закрыв машину, я медленно пошёл к мосту. Мимо проезжали машины. Встав посередине моста, остановился — жадно закурил. Смотрел на гладь реки. Опавшие жёлтые листья медленно плыли по течению. Тяжело теперь будет... Придётся залезать в долги и

кредиты, чтобы спасти бизнес. А ведь только отдыхать собрались с Алёнкой и сыном... Какой теперь отдых — на еду бы хватило! Выпустив дым, кинул окурок в воду. Завороженно смотрел, как вместе с бычком в воду летят ключи от машины, которые держал в той же руке. Буль — и нет ключей...

Внутри словно что-то оборвалось. Как всё достало! Автоматически посмотрел на часы. Осталось 31 год и 9 месяцев. Хотел-то время посмотреть!.. Часы смерти... До сих пор забывал о них. Часто смотрел по привычке, чтобы узнать время. Врут! Сейчас, когда я перевалюсь через ограждение и полечу вниз... Сейчас, когда я через минуту буду лежать на дне с переломанной шеей, эти часы будут отсчитывать обратный ход на 31 год и 9 месяцев моей жизни! Врут! Над головой крикнула чайка. Я вздрогнул, провожая её взглядом... И тут — как пронзило! Даже физическая боль прошла по всему телу!.. Я понял! Я всё понял! Я понял Тимохина!

* * *

— Чё, Виталь! Давай? Всего по 150 франков! — Тимохин смотрел на него искрящимися глазами.

— Зачем нам это, Сём? Тебе так интересно, когда ты умрёшь? — с сомнением протянул Виталий.

— Мы будем знать ценность жизни!

Они были в Швейцарии в деловой поездке. Виталий задумался. В стоимость этих часов входило полное обследование организма новыми методами — почему бы и нет?! Уже расплачиваясь, выяснили, что перед обследованием нужно заполнить полную медицинскую анкету. Пришлось переносить на следующий день, потому как Светка, их секретарша, могла сделать это и прислать им по электронке только завтра.

— Я думаю, лет через десять точно куплю тут себе домик и переберусь со всей семьёй, — Семён задумчиво рассматривал стакан с виски.

Был вечер. Они сидели в номере отеля и пили виски, подкидывая в стакан лёд из холодильника.

— А я вот не загадываю на десять лет, Тимохин... Неизвестно, что будет завтра?... Может, кирпич на голову упадёт...

— Так-то да... Но это же крайность. По сути, вот нам сейчас по тридцать пять, что тебе, что мне. Хоть и курим и бухаем до хрена, но ещё столько же или лет тридцать-то должно остаться... Поэтому и строю планы. При том, как мы работаем, думаю, через восемь-десять лет смогу купить себе тут домик и жить рантье. Лафа...

— Может, вместе купим, Тимохин?... —
Виталий сделал крупный глоток.

К ним как раз пришла информация с их медицинских карт, когда они закончили переговоры.

— Наша компания даёт лишь приблизительную дату смерти. Вернее, с точностью до года. Точнее в вашем возрасте дату определить достаточно проблематично, если, конечно, вы не смертельно больны уже сейчас, — сказал улыбающийся молодой мужчина в строгом костюме.

— Что он сказал, Вит? Не совсем понял, — Тимохин озадаченно посмотрел на Виталия.

Виталий перевёл. Тимохин молча кивнул.

— Так же наша компания не даёт медицинских заключений и диагнозов. Мы не являемся медицинским учреждением. Срок жизни определяет программа, в которую мы вносим предоставленные вами анкетно-медицинские данные и указанные вами вредные привычки. Это в сочетании с лазерным исследованием кожного покрова вашего тела позволяет дать относительно точный результат.

Виталий перевёл. Тимохин кивнул.

Все прошло относительно быстро. Аппарат, в котором их обследовали, походил на обычный томограф. На выходе им вручили часы в коробках,

сказав, что там уже установлен оставшийся им срок.

Это были практически обычные механические часы, только с обратным ходом. Секундная стрелка там перемещалась раз в день, минутная, соответственно — раз в неделю, а часовая — раз в месяц.

32 года. Так и получалось у Виталия, как вчера и говорили. Почти так. Вроде, всё прогнозируемо — ожидаемо... Но по телу прошли мурашки. Немного на самом деле-то. Немного. Виталий перевёл взгляд на друга. Тимохин стоял бледный, поджав губы.

— У тебя сколько, дружище? — глаза Семёна были испуганы.

— Тридцать два.

— А у меня девять... Всего девять, дружище...

* * *

Виталий развернулся и пошёл с моста. Выйдя на дорогу и встав рядом с машиной, он поднял руку. Стоял. Задумчив. Рука поднята. Смотрит в сторону реки. Остановившаяся машина посигналила ему. Он, вздрогнув, заметил её.

Сел на заднее сиденье, назвал адрес, уставился в окно.

— Погода нынче какая хорошая! Октябрь, а тепло, как в сентябре, — водителю, крупному усатому мужчине, видно, очень хотелось поговорить.

— Да.

— Подвеска-сука стучит — слышите?

— Слышу...

— Ямы кругом! Когда дороги, наконец, сделают?

— К зиме...

— Ну да... ну да... к лету опять чтобы развалились... ну да... А у вас-то есть машина?

— Да. Вот домой за ключами еду.

— Аааа...

— Вы меня обратно не отвезёте? Я домой поднимусь и спущусь сразу.

— Да не вопрос — любой каприз за ваши деньги.

Дальше ехали молча. Расплатился за дорогу до дома, вошёл в подъезд. Машина с усатым за рулём осталась ждать.

— Поедешь со мной?

— Куда ты собрался?

— За машиной, я ключи утопил, Алён.

— Ё! Что-же за непруха-то такая?!.. А чего ты улыбаешься?

— Алён...

— А?

— Да я счастлив, что Тимохин так сделал. Может, купит себе дом в Швейцарии?

— Ты чего? И ты не будешь его искать? Он же тебя кинул, Вит! Кинул... Да что с тобой такое?!

— А он иначе не смог бы воплотить свою мечту... Накопить бы при жизни не получилось! А сам бы я ему деньги не отдал... И потом, я гораздо богаче его... Ему нужнее эти деньги... Время гораздо ценнее любых денег, Алён!

Газета

Зайдя домой, Анциферов заглянул в комнату. Полина сидела перед телевизором. Всклипывала. Писала sms.

— Что, любовник бросил? Sms ему пишешь? — агрессивно спросил Борис.

— Сейчас показывали ребёнка... Рак, представляешь... Малышка ещё совсем. Вот, в новостях... Средства собирают на лечение.

— Ну, правильно, что отсылаешь. Давай, я тоже со своего пошлю, — чуть виновато.

Она продиктовала ему номер. Сказав, как и что нужно посылать, чтобы деньги пришли.

— Всё разворовали, олигархи. А на детей, на беженцев, всё с народа собираем, — проворчал Борис, посылая сообщение.

Внимательно посмотрел на диван. Подошёл. Взяв руки лежащую газету, пристально посмотрел на передовицу. Побледнел. Повернулся к Полине спиной.

— Я пойду, полежу, устал, — развернулся уходя.

— Боря, оставь газету! Я сейчас просмотреть только хотела!

— Полистаю — принесу.

— Принеси... Ты же всегда говорил, что эту желтуху в руки брать противно.

Зайдя в спальню, Анциферов сел на кровать. Уставился в газету. Слёзы. Проступившие слёзы закапали на бумагу, оставляя на ней крупные мокрые пятна.

Газетёнка называвшаяся «Слободка», была местной желтушной прессой. Восхваляла местную власть, так как её рупором и была. Половина статей была о достижениях местных царьков. Вторая половина была о развлечениях, праздниках, криминальной хронике.

«Муж убил свою жену из-за ревности, а сам повесился», — гласила статья на передовице. И фото. Большое фото улыбающейся Юли. И маленькое — Тимура. Она добро — он зло.

— Ну, хватит, хватит, дурачок, — нежно шептала на ухо Юля.

Борис сопел. Сопел ей на ухо.

— Боря! — Юля отстранила его, взглянув мутными от страсти глазами. — Хватит! Мы же в подъезде! Бо-о-р-я-я-я... ммм...

Закурили, сидя на подоконнике, в парадной. Молчали. Борис смотрел в пол. Юля, откинувшись, прислонилась к окну.

— Ну ведь хорошо же было, Юль?

— Хо-ро-шо... — Юля задумчиво скинула пепел.

— У тебя завтра сколько пар?

— Четыре... А ты знаешь, что меня твой друг обхаживает?

— Тимур, что ль?... Знаю.

— И что?... А если я за него замуж выйду?

— Не выйдешь...

Голос Бориса не уверен. Юля усмехнулась.

— Мне уже 23, Боря... Я так старой девой останусь. Ты уже два года со мной по подъездам, по квартирам. Я же не говорю про замуж.

— А о чем ты говоришь?

— Могли бы жить вместе. Квартиру снимать на мою степуху, жить на твою... Для начала так... Сложновато, но зато вместе...

— Так это один хрен, что замуж, Юль... А мне всего 22 года. Я еще погулять хочу.

— Поизменять?

— Я что, что-то обещал?... Изменять... ё!.. —

Борис швырнул окурок в угол.

Юля прыгнула с подоконника. Борис тоже прыгнул, преградив ей дорогу, попытался обнять.

— Мне пора, Борь. Бабушка ждёт... Борь — не шучу. Не лезь ко мне.

Оттолкнув Бориса, она быстро начала подниматься по лестнице. Борис стоял в задумчивости. Потом, сплюнув на пол, достал сигарету. Закурив, он бегом, через пару ступенек, побежал вниз.

* * *

Стояли в сквере, пили пиво. Сегодня завезли хорошее крепкое пиво. Очередь была небольшая. Странно. Стояли всего минут двадцать. Взяли, конечно, ящик. Ящик на троих. На лавке стояли полные бутылки. Под лавкой — несколько пустых.

— Борь! А как у тебя с Юлькой дела? Трахаешь её? — Богдан прихлёбывал из бутылки, морщился как от водки.

— Какое твоё дело? — только что улыбавшийся, сразу озлобившись, произнес Борис.

— Да лан, правда, Борь, как у тебя с ней? Девчонка ведь супер! Я сам тебе завидую, — примиряюще спросил Олег.

— Да, хрен его знает... Не видел её уже пару месяцев, — с деланным равнодушием.

— Понятно... Я тя потому и спрашиваю. Вон она с Тимуром идёт просто, — закуривая, протянул Богдан.

Борис резко оглянулся. Стоял, смотрел. Ему что-то говорили, он не оборачивался. Обернулся. Весь красный.

— Так чё, Борь. Может, начистим ему хавальник-то? Глухой, что ль?

— Не, ребят, не будем никому ничего чистить... — Борис поставил бутылку на лавку, — что-то не хочу я больше... Моё пиво тоже допивайте. Поеду домой.

Резко развернулся. Вслед что-то говорили... Не слышал. Не хотел никого слышать. И смотреть не хотел в ту сторону, где были Юля и Тимур.

На другой день он ждал её около учебного корпуса.

— Юлик! Салют! — увидев её, выходящую с подругами, махнул ей.

Юля остановилась. Заметно побледнела. И, сказав что-то подругам, зашагала к нему.

— Привет, — улыбнулась.

— Привет. Давно не виделись. Пойдём, пройдемся?

— Пойдем.

Они пошли вниз по улице от учебного корпуса.

— Как ты, Юлик?

— Я, Боренька, с Тимуром живу.

— С Тимуром?... Живёшь???

— Да...

— И давно?

— Уже месяц. У нас всё хорошо, он меня любит. Только ревнует очень ко всем.

— А где же вы живёте? У твоей бабушки? Тимур вроде как в общежитии живёт... Их там по шесть ребят в комнате.

— У меня сестра срочно на север уехала. Через неделю, как ты тогда бегом от меня убежал.

— Я не убегал...

— Ну да. конечно... Послышалось мне, наверное! — с ехидством...

— И что? Где твоя сестра живёт... Вернее, вы теперь?

— Зачем тебе? На Бронской... А что?

— Хочу тебя.

— И я тебя.

— Давай приеду к тебе? Ты заколешь занятия. Мне тоже пофиг, я вообще всё, кроме лаб, могу заколоть.

— Завтра. К одиннадцати приезжай... У Тимура пять пар, он не скоро будет... А ключи я ему пока не давала.

Звоня в незнакомую дверь девятого этажа, Борис волновался. Откроет? Открыла. Молча вошёл. Она в коротком шёлковом халате. Всё было молча. Страстно. Истосковавшись. Томно. Долго. Нежно. Вдруг резкий звонок в дверь. Побледнели оба.

Юля на цыпочках подошла и взглянула в глазок. Закивала, приложив палец к губам. Побледнела еще сильнее. Молча стояли, голые, в коридоре. Юля смотрела в глазок. Опять звонок. Длинный звонок. Через минут пять шаги от двери. Было слышно, как открылись двери лифта.

— Давай быстрее, собирайся, — бледная Юлька кинулась в ванну.

— Ты что делаешь-то? — идя за ней.

— Иди, одевайся! — Юлька, включив воду, сунула голову под душ.

Быстро одев рубашку и джинсы, Боря вернулся в ванну. Юля вытирала голову, включив на полную мощность горячую воду, так, что вся ванная была в пару.

— Иди-иди, Борь... Поднимись на пару этажей. Я к нему спущусь — скажу, что в ванне была, он точно у подъезда сидит.

Борис попытался обнять Юлю.

— Да иди уже... — Юля оттолкнула его.

* * *

Значит, ревность? Анциферов, прочитав статью, отбросил газету и упал спиной на кровать. Смотрел в потолок. Глаза — полные слёз. Тимур ненормальный! Он не видел Юлю с того дня. Ни разу не видел ни её, ни его... А жили в одном городе. Ходили по одним улицам. Ни разу не видел. За все почти одиннадцать лет, что они не виделись.

У них была дочь. Десять лет дочери. А у него с Полиной за все семь лет так и не получилось ребёнка.

— Ну что, дочитал? — в дверях стояла жена. — Отдай газету-то. Спишь что ль?

— Подойди, — поднявшись на локтях.

Полина подошла, молча сев на край кровати. Анциферов дал ей газету, ткнув пальцем в статью. Пока жена читала, Борис молча смотрел в её красивое лицо.

— Ужас, какой ужас, Борь.

— Этот Тимур, мой одноклассник, Полин.

— Офигеть!..

— Ты до конца дочитала?

— Да...самое ужасное, что пишут — дочь осталась... И, кроме бабушки этой Юли, — и нет никого... А он правда был такой ревнивый?

— Так вот... Нам нужно взять эту девочку к себе, Полин. Она будет нашей дочерью!

* * *

Они завтракали. Полина, разложив яичницу по тарелкам, налила чай из чайника.

— Мамочка! Давай с тобой вечером сходим в магазин? Я хочу тебе платье выбрать!

— Чего это ты вдруг? — Полина с удивлением посмотрела на дочь.

— Я же стипендии не трачу! Вы же меня кормите и одеваете... А я видела т-а-а-кое платье! Пряма на тебя.

Борис улыбался:

— Молодец, Насть!.. Ты сегодня во сколько с института придёшь?

— Часа в четыре, папочка. Может быть, все вместе тогда сходим? Тебе тоже что-то посмотрим. У меня много скопилось.

— Миллионерша! — Борис погладил дочь по голове. — Иди уже, опоздаешь.

Чмокнув родителей в щеки, дочь шумно вышла.

Полина, задумчиво улыбаясь, смотрела на Бориса.

— Борь! Как же она на тебя-то стала похожа! Просто копия — ты... Не знала бы, кто отец, точно приревновала бы тебя к этой Юле...

Звук

Тишина. Полная тишина, до звона в ушах... Лиля сидела за столиком и ждала, когда ей принесут заказ. Рядом, на сцене, под фонограмму открывал рот высокий юноша. Парень был наверно студентом, под носом у него пробивался пушок... Как же было тихо — ни звука. Полнейшая тишина.

Принесли заказанную ей еду и бокал вина. Чуть пригубив вино, она, поморщившись, оставила бокал. Начала медленно пережёвывать еду. Уже доедая, она почувствовала, что к ней начали приходить звуки. Сначала тихо, как издалека, потом — всё мощнее и мощнее. Как же громко он визжит! Он совершенно не умеет петь. Он просто блеет, как козёл! Надоело! Ей надоела такая жизнь. Надоело быть ломовой лошадьё. Тянуть на себе быт, работу. Успевать всем помогать. Как «Чип и Дейл спешат на помощь». Да, люди, которым она помогала, были ею любимы. Но... Надоело. Звуки опять начали отступать — становилось тихо. Лиля закрыла глаза: тихо и хорошо... Домой идти не хотелось. Дома были любимые дети. Два сына — погодка. Оба уже старшеклассники. Сейчас —

летние каникулы, и они сидели дома, никуда не выходя. Оба смотрели свой футбол. Оба играли в свои компьютеры — каждый в своей комнате. В её комнате был муж. Он так же смотрел футбол и пил пиво. Все трое не могли даже вынести мусор. Всё на ней! И даже нормально выспаться она не могла!.. Футбол. Пиво. Компьютерные игры. Подготовка еды. Уборка. Стирка. Глажка. Ещё был престарелый отец, который жил в соседнем доме и требовал ежедневного ухода. Ещё была соседка, которой она носила продукты. Тишина.

Кто её трясёт? Резко пришёл звук — этот мальчик блеет, как козёл... Кто так трясёт? Открыла глаза.

— Лилька! Ты чё, глухая? — над ней стояла и трясла её школьная подруга.

— Лариска! Вау! Ты как тут? — Лиля была рада подруге, которую не видела уже несколько лет.

— Да вот своих навестить приехала. Слушай Лилька, ты совсем не меняешься! Тебя как заморозили! — Лариса улыбалась.

Лиля знала, что выглядит лучше многих молоденьких вульгарных девчонок, которым не хватало вкуса. Лиля была стильна. Манерна. Холёна. И это — несмотря на свою постоянную занятость. И по фигуре она никак не уступала девчонкам, да и на лице — ни морщинки. Но,

смотря сейчас на Ларису, она понимала, что та выглядит не хуже. В школе она однозначно «проигрывала» ей во внешности. Но сейчас Лиля выглядела гораздо лучше, и ничем не уступала подруге.

— Да... вот такие мы с тобой! Красотки!

— Слушай, пойдём, на улицу выйдем! Ужасное заведение. А мальчик этот визжит, как резаный!

— Да, пойдём, — я вообще случайно сюда попала.

— Так и я. Почти случайно... Но случайностей не бывает, раз мы встретились! — Лариса достала телефон из сумки, собираясь кому-то позвонить, подумала... и положила его обратно.

Уже через полчаса они сидели в кофейне. Шумно. Официантка ходила на каблуках, издавая дикий стук. Прямо как-будто в голову вколачивали гвозди. Через столик сидела пара. Мужчина с диким грохотом размешивал в чашке сахар. Ещё эта официантка со своими каблуками! Голова начала раскалываться от этого шума! Музыка. Ещё музыка. Она играла тише, чем грохот каблуков, была не резка, не навязчива, но все эти звуки!.. Голова начала ныть.

— Ну как ты, рассказывай! — спросила Лариса, еле шевеля в полуулыбке губами. Как же громко она говорит, на всё кафе!

— Потихе можно? Что ты орёшь так, Ларис? — Лиля поморщилась. Не хотела. Но не могла не поморщиться. Было больно от звуков.

Лариска удивлённо уставилась на подругу.

— Ну, ты, блин, даёшь... Я еле слышно говорю, чего ты? Голова болит? Так! Сейчас!.. — Лариса озабоченно открыла сумку. — Сейчас, у меня таблетки есть.

— Да не нужно.

— Тогда нужно выпить! — Лариса жестом подозвала официантку.

Лиля молчала. Молча с ужасом смотрела, как девушка приближается к ним. Туфли шли к ней, а с туфлями приближался грохот. Смотрела на ноги. Ноги красивые. Туфли, как ни странно, хорошие, дорогие. Но как же она грохочет!

— Принесите нам коньяку, пожалуйста!

Девушка удалялась, унося с собой грохот туфлями.

— Ларис, какой коньяк? Ты с дуба рухнула? Я не пью крепкого!

— А я пью! Я вообще люблю побухать время от времени. Травки люблю покурить. Тусовки люблю, клубы. Сейчас коньячку выпьешь, и, поверь

мне, всё как рукой снимет! — как же она громко разговаривает, эта Лариска!

Посидели молча, потягивая кофе. Лариска внимательно смотрела на подругу. Лиля же была в ужасе, что сейчас эти каблуки принесут коньяк. Идёт! Несёт! Туфли идут! Лиля в ужасе испуганно взглянула на подругу. Грохот-то какой!

— Да ладно, не парься ты... Ты что, коньяк ни разу не пила, испуганная такая?

Лиля выпила алкоголь.

— Ну! Ты будешь рассказывать-то о себе? Или мне начать? — Лариса с любопытством смотрела на Лилю.

Звуки. Как хорошо! Тихо играл лаунч. Становилось хорошо и приятно. Рядом тихо ворковала подруга. Всё ненавязчиво и уютно. Мимо прошла девушка официантка на каблуках. Никакого грохота. Идёт себе и идёт. Постукивает. Милая девушка. Ничего не раздражало.

— Я, Ларисочка, мама! У меня двое мальчиков.

— Помню, сколько им сейчас? В школу ходят?

— Заканчивают уже! Проснулась!.. — заулыбалась Лиля.

— Да ты, что?! — вытаращила глаза Лариса.

Пили коньяк. Лиля рассказывала о своей жизни... Да, живет. Да, семья. Муж. Муж с работы

приходит поздно, ложится на диван и смотрит футбол. Пиво любит. Вроде, и её любит... В выходные выезжают вместе. Отпуск, опять же... Дети. Любит их. Но они живут своими непонятными ей интересами. Надоело.

— Как же тихо, хорошо и уютно с тобой, Ларис! А у тебя как?

— Ты знаешь... А я вот всегда об этом мечтала. О чем ты говоришь. Но после аборта не могу родить. Нет, конечно, можно искусственно. Не вопрос. Но тот, кого я люблю, ему не нужен ни ребёнок, ни дом. А я люблю его безумно... Так и живём: вечеринки, клубы, выпивка, его бабы...

— Его бабы? Не поняла...

— А-а-а... чего тут понимать!

— А я бы хотела так пожить... — с тоской проговорила Лиля.

* * *

Игорь хотел всех женщин. Он воспринимал женщин как эротическую массу. Переспав один раз, он обычно терял интерес. Поэтому с Ларой было по-другому. Лара была старше его лет на десять. Но с ней он был уже пять лет. Лара его понимала. Лара его устраивала. С ней было хорошо в постели, и она всегда приносила разнообразие. Поэтому она ему не надоедала.

Сегодня он приехал с ней к её родителям. За всё время их совместного проживания они первый раз приехали в её родной город. Её родители навещали их на новый год. Так же Лара пару-тройку раз ездила к ним одна. В это время Игорь спал в их совместной кровати с другими. Но это было нормально. К тому же Лариса была совершенно не против.

Зайдя в кафе, где они договорились встретиться, он обвел взглядом зал. Ужасное местечко. Паренёк на сцене визжал песни из репертуара Стаса Рыхайлова. Всё в красном и много позолоты. Игорь поморщился. И ни одной симпатичной девки! Толстые тетки в пёстрых платьях. Мужики в шортах и резиновых шлёпках на чёрные носки. Ларисы не было.

Подойдя к стойке, он заказал себе сто грамм водки. А барменша... так... ничего... Начал рассматривать её ноги. Педикюр с облупившимся лаком, босоножки стоптаны. Поморщился. Это не про него. Пусть и симпатична, но пусть эти, в шортах с носками, её трахают. Выпив водку, закусив кусочком лимона, он достал телефон и набрал Ларису: «Где ты, Лара? Я на месте... Хотя я понял, почему тебя тут нет. Угу... Ладно, найду сейчас... С подругой? Симпатичная?»

Игорь Лиле понравился. Красив. Молод. Моден. Остроумен. Голос... Тихий, нежный голос. А как сексуально он тряс головой, когда сбрасывал лезшие в глаза волосы... Ларису можно понять.

— А чем вы там занимаетесь? Ну, в смысле работаете?

— Он чем-то там не совсем законным занимается. Чем-то там мошенничает! И не спрашиваю... Чем ты там мошенничаешь сейчас, Игоряша, отвечай? — Лариса задорно улыбалась. Подмигнула.

— Да какая разница? Деньги приношу? Не спрашивай. — Игорь говорил медленно, растягивая слова.

— А вот, Лилька мне завидует! Говорит, хотела бы пожить-погулять... А я ей... семья, детки.

— Угу... Завидуй! Лилёк, поехали с нами. У нас ночью поезд. С билетами проблем не должно быть сейчас. Паспорт есть?

Лиля обалдело кивнула.

— Ну и всё. Бабосы есть, остальное — не парься. Поживёшь у нас с недельку и вернёшься.

— У меня же дети. Тарас... хотя я сейчас и безработная временно... но как же...

— Кто это Тарас? — Игорь откинул свою чёлку.

— Бульба! — заржала Лариска.

Лилька прыснула. Сколько жила с мужем, а с Бульбой его никогда не ассоциировала.

* * *

В купе они ехали втроём. С утра уже должны были приехать, и, видимо, к ним никого так и не посадят. Весело. Пили вино и коньяк. Ходили курить в тамбур. Курить сейчас в поезде нельзя. Но это, если не заплатить проводнику. Если заплатишь — оказывается можно.

Игорь, сидя рядом с Лилей, положил ей руку на ногу и стал, поглаживая, подниматься выше... Сидящая напротив Лариса усмехнулась, и налив себе вина, выпила. Лиля, взяв его руку двумя руками, медленно, но с силой отвела от своих ног.

— Нет!

— Да ладно, Лилёк, не парься. Я не против, раз он хочет. Даже втроём можем. — Лариса усмехалась краем губ. Выглядела надменно.

— Нет! У меня Тарас.

— А ну да... про Бульбу-то мы забыли! — Игорь посмотрел мутными глазами ей в глаза. — Ну тогда я спать полез наверх. Бухайте тут без меня.

* * *

Сколько прошло дней? Сколько она пьет? Её трясло. Сердце вылетало. Откуда грохот. Храп. Как громко! Невыносимо громко! Кто этот парень рядом с ней? Как же он храпит. Плохо. Голова разрывается. Пот. Холодный пот. Всё прилипает. Как болит в груди! Почему так больно. Отдаёт под лопатку. Резко. Хлётко. Тихо. Как же стало тихо. Полная тишина. Гробовая тишина.

* * *

— Тарас?

— Да.

— Это Лариса.

— Это у вас моя жена?... Лариса, я вас, к сожалению или к счастью, не знаю, но расскажите мне, дураку, что там у вас происходит?!

— ... Да... расскажу сейчас... Сейчас скажу... всё скажу, Тарас...

— Она уже неделю звонит постоянно пьяная в дупель! Она не пила никогда? Что за хрень? У нас дети, Лариса! Я вот сейчас еду готовлю... Она что, опять пьяна? Дайте ей трубку, как бы пьяна она не была!

— Не могу... Не могу дать трубку... Она умерла...

Тихо... Как же стало тихо...

Без любви жить можно

Меня всегда выводят из себя мелочи. Всегда. Мелочи. А потом срываюсь на самых близких. Что-то серьёзное, какие-то серьёзные проблемы я готова терпеть и даже принимать. Но не мелочи! Бытовые мелочи! Причем приходит это постепенно. Сама даже не знаю причину, но начинаю «расходиться», даже не понимая, что за причина. Причину понимаю потом. Как всегда мелочи! Бытовые мелочи! Я пытаюсь держаться, понимаю, что часто не права. Вот и сегодня. Газовая колонка сломалась! Внезапно. И невозможно ни помыть посуду, ни принять душ. Вечер. Сорвалась.

Руслан ушёл. Ушёл, не хлопнув дверью, а как-то «пришибленно» ушёл. Я удивительно чётко, как он только вошёл домой, по пунктам предъявила ему все претензии, что накопились за последние полгода. Я не кричала. Нет, не кричала. Говорила громко и чётко, но не кричала. И он ушёл. Куда? Зачем я так? Вдруг он не вернётся? Я говорила очень обидные вещи. Пусть я была и права, но так нельзя. Начала приходиться пустота. Начало

приходить раскаяние. Я заглянула в комнату к дочери:

— Тань, кушать хочешь?

Дочь лежала на диване и тыкала пальцем по планшетнику.

— Опять отца выгнала? Мам! Да, что с тобой такое опять?! — она повернулась ко мне спиной.

— Да не выгоняла я его... Он сам ушёл... Так ты будешь есть-то? Что приготовить?

Таня молчала. Даже спина её выражала протест. Против меня протест. Я вздохнула и поплелась на кухню. Что-то готовить нужно... Не оставлять же ребёнка голодным.

* * *

— Чем занят, Борь?

— Привет, Руслан! А чё хотел-то?

— Пустишь переночевать?

— Не вопрос — приезжай!

— Ты дома?

— Нет, буду через часок.

— Взять выпить чего?

— Ты ж не пьёшь!

— Так взять?

— Возьми, хотя я сегодня и так собирался... Вина... Ко мне сегодня невеста придёт. Возможно, с ночёвкой...

— Так мож... это... я-то помешаю, наверно?

— Не парься! Ты же знаешь, что у меня три комнаты.

— Ну смотри... Если чего, я могу и в гостиницу.

— А ты что, опять с Олеськой поругался?

— Ну, есть немного...

— Ладно, приезжай, там и расскажешь. Давай, до встречи!

— До встречи.

Руслан кинул телефон в карман и завернул к небольшому продуктовому магазину. Выйдя, он несколько раз хлопнул дверью своей «Калины». Замок был сломан: и закрывался и открывался неохотно. «Когда же займусь-то этим замком?» — с досадой подумал...

Магазин был почти пустой. Стояла какая-то полная тётка и беседовала с продавщицей.

— Вот, Зой, как жить-то будем? Дорожает-то как всё!

— Ничего! И не такое переживали! Пару лет потерпим для страны... Нам-то ладно, а как президенту сейчас тяжело нашему! Все против него: пиндосы, укры и прочая шалупонь.

— «Пиндосы» — это кто, Зой?

— Америкосы!

— А почему их так называют?

— А я откуда знаю, пиндосы — они и Африке пиндосы!

Руслан вздохнул. Поморщился, как будто откусил лимон...

— Мужчина! Вам чего, говорите!

— Хм... Ну дайте бутылку вина какого-нить...

— Крымского?

— Нет. Импортное есть?

— Есть... Вот французское, чилийское. Да вы возьмите крымского, что вы — не патриот?

— Дайте сухого белого французского бутылку.

Продавщица взяла с витрины бутылку и поставила на прилавок.

— Что ещё?

— Ну, сыру, вот этот кусок... Дорогой-то какой!..

— Да, подорожал. Будете брать?

— Угу...

— Что ещё?

— Помидоры черри, вон, у вас там лежат, упаковочку. Батончик белого.

— Всё?

— Всё... А... дайте ещё бутылку водки!.. У меня друг водку любит.

— Всё?...

Продавщица назвала сумму. Руслан мысленно присвистнул, хождение в магазин день изо дня становилось всё дороже. Рассчитавшись, он вышел

и закурил. Стоял на улице, бросив на заднее сиденье пакет с продуктами. Зазвонил телефон.

— Да, Борь!

— Ну, ты где? Я дома!

— В магазине был. Я уже рядом, буду минут через пятнадцать.

Они сидели в креслах напротив друг друга. Борис был худощавым седеющим мужчиной. Одет в джинсы и кашемировый свитер бордового цвета. Ухожен. Красив.

— Ну что там у тебя, Рус?

— А-а-а... Борь, даже говорить не хочу.

— Ясно! А я вот влюбился... Прийти сейчас должна.

— Я думал, ты уже с ней. Как зовут-то?

— Да она работает через дом, сейчас закончит — придёт... Аня...

Раздался звонок домофона. Борис улыбнулся — встал. Улыбка была счастливая и искренне радостная.

* * *

— Да ладно тебе, Олесь! Хрен с ним... Вот сокровище-то... Да кому он на хрен нужен, кроме тебя? Вернётся, чё ты паришься!..

— Тише ты! Чего орёшь? Таня же за стенкой спит уж наверно. Чего орёшь? Чаю налить ещё?

— Ой! Прости... Налей.

Олеся, налив из заварника заварки, встала, взяла чайник с кипятком.

— Тётя Вер! Мама любит папу!.. И я его люблю! Не нужно маму настраивать против папы!.. И вообще, поздно уже, вам домой пора! — в дверях кухни стояла Таня в одной ночнушке, на глазах — слёзы.

— Да не настраиваю я, Тань, чего ты... — Вера потупила глаза.

— Танечка...

— Что Танечка? Мам! Что Танечка! — дочь, развернувшись, быстро ушла в свою комнату.

— ... мда... Пойду я, пожалуй, Олесь, не нужно чая...

Олеся молча стояла, держа в руке чайник. Молчание затянулось. Вера, вздохнув, встала, поправив короткую юбку, пошла к входной двери. Олеся так и стояла. Медленно поставила чайник и села на стул.

— Ну, я пошла, Олесь, закроешь?

Олеся молчала. На глазах были слёзы. Сидела, не шевелясь. Хлопнула входная дверь. Медленно встав, она пошла в коридор — закрывать дверь.

* * *

Аня оказалась очень красивой брюнеткой. Узкое лицо с правильными чертами и полными губами. Длинные темные волосы, одета в красное обтягивающее платье.

— Здравствуйте-здравствуйте! Аня! — снимая сапоги, глядя в пол, представилась девушка.

— Это Руслан, Аня! Я тебе говорил по телефону.

— Очень приятно!.. Ребят, вы извините, мне сапоги опять коготки порвали, — она, вытянув ногу показала дырку на большом пальце, из которой торчал палец с тёмным лаком. — Хорошо, у меня запасные есть, я пойду — переоденусь в ванну, ладно.

— Да не парься ты, Аня! Ты же дома, хрен с ней, с дыркой!

— Нет, Борь, ты что? — девушка удивлённо вскинула на Бориса глаза в длинных ресницах.

Они сидели за столом. Руслан с Аней не спеша отглатывали вино из своих бокалов, Борис пил водку.

— А вам, Руслан, Борис говорил, что позавчера новую машину купил? Тойоту 200... Крузак!

— Да, Аня! Какая на хрен разница, что ты! Купил-то просто потому, что бакс падает — деньги вложить... А так мне же по фигу: как ездил бы на старой, так бы и ездил.

— Ни фига не по фиг! Это важно... Важно: на чем едешь, где живёшь, как живёшь... Очень важно.

Руслан молчал. Он думал об Олесе и Танечке.

— Ребят, вы сидите, я не буду вам мешать. Пойду спать ложиться. Нанервничался я сегодня — в сон клонит...

— А что Руслан разнервничался? — Анна стрельнула на него карими глазами. — Из-за кризиса, небось, из-за денег?... Так сейчас все нервничают!..

— Да нет, Ань, мне по хрену кризис, на сам-то деле... У меня — другое...

— Ань, я же тебе говорил! Он с женой своей поссорился. А у него — любовь! Я ему завидую.

— Ой, мальчишки... Без любви жить можно! Миллионы живут — и ничего... А вот без денег... Пойди ж ты проживи!!!

Руслан спал. Ни снов...Ничего не было. Как провалился в трясину. Разбудило его волнение в паху. Разбудило медленно. Разум не хотел просыпаться. И вдруг сознание резко вернулось к нему. Он попытался подняться и сесть, но Аня, упершись ему руками в живот, прижала его к кровати... Истома начала приходить, и он уже не в силах был сопротивляться... Когда всё закончилось, он отвернул голову к стене. Аня, поднявшись с пола, легла на него.

— Уходи... Уходи, Ань, пожалуйста... — тихо проговорил Руслан.

— Хм... да пожалуйста, — девушка, встала и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Руслан так больше и не уснул. После того как ушла Аня, он пошёл в ванну и долго стоял под душем. Потом сидел на кухне, пил чай и ждал, когда проснётся Борис. Был уже одиннадцатый час, когда Борис в халате, протирая руками глаза, зашёл на кухню.

— Привет! Ты встал уже?... А я вчера пузырь этот твой выжрал — и вырубился... На кой ты его покупал!?

— Да... Видно, зря... Слушай, я тебя жду. Дверь закроешь? Я поеду — дела...

— Какие дела, Рус? Сегодня ж 23 февраля! Выходной...

— Дела, дружище, дела... Поеду...

* * *

Я сидел в машине с работающим двигателем. Что теперь делать дальше? Ехать в гостиницу? После прошедшей ночи было противно на душе. Зазвонил телефон.

— Алло, папочка!

— Танечка! Танечка, девочка моя любимая!

— Ты где, пап?

— В машине сижу, дочь... У вас как дела?

— Мастер вот только ушёл... Колонку сделал.

Взял, правда, по двойному тарифу — за праздник, но сделал быстро.

— Какую колонку, Танюш?

— А тебе мама разве не сказала?

— Нет...

— Газовая колонка у нас сломалась. Воды горячей не было...

— Ё... ё... Теперь понятно...

— Приезжай, папочка. Мама переживает.

— Сейчас приеду, доченька... Теперь понятно... Я же знаю мамочку... Теперь понятно... Скоро буду, доченька, еду!

Руслан, счастливо улыбаясь, выехал на дорогу.

Мясо по-французски

Светка Курганова сидела дома. Она знала, что ей нужно убраться. Сидела. Сидела в кресле, положив ноги на подголовник. Закинув голову, смотрела в потолок. Было ей ни хорошо и ни плохо. Было — никак. Даже о Борисове она не думала. Стоп. Почему не думала? Думала. Просто обычно

она как-то анализировала, думала, строила. Сейчас — просто...

Да, Борисов. Да, есть. Да, она его любит. Ну, что же теперь поделаться?! Борисов... Светка опустила голову и начала разглядывать свои ноги. Вот над коленкой — укус комара. Не зажил ещё. Это — когда они с Борисовым позавчера на речку ездили. Педикюр и маникюр «nail дизайн». Красиво — это она сделала, как нравится Борисову. Сделала три дня назад, перед встречей с ним. Ленно встала. Нужно что-то перекусить и начинать что-то делать по дому. Прошла на кухню. Открыла холодильник. Достала мясо по-французски, которое вчера приготовила для Борисова... И это она не думает о Борисове? Борисов!..

Светка села на кухонный стул и обхватила голову руками. Звонок в дверь. Встала, подошла к электрическим пробкам и вырубил. Звонок умолк. Оба телефона она уже выключила вчера. В дверь начали стучать. Вздохнув, Светка ушла в дальнюю комнату, закрыла дверь. Стука почти не было теперь слышно. Накрыв голову подушкой, она замерла. Было душно. Было мокро. Текли слёзы.

* * *

Дима ел мясо по-французски. Вкусно. Света очень хорошо готовит. Он любил Свету. Он знал об этом.

— Вкусно? — Света, прищурив глаза.

— Ещё бы! Ты всегда лучше всех готовишь!

— Кого это, всех? — прищур глаз усилился.

— Вообще всех!

Диме было хорошо. Вкусная еда. Рядом — божественно красивая любимая женщина.

— А ты не помнишь, что у нас сегодня годовщина?

Дима поперхнулся. У него всегда из головы вылетали все даты. Как он мог забыть? Сколько раз себе говорил, что нужно ставить напоминания хотя бы в телефон! Ё! Света так щепетильна к датам!

— Слушай, прости Свет! Ну, честно... забыл, дурак. Ну не помню я все эти даты! — искренне раскаиваясь, Дима выглядел даже несчастным.

— Да... не вопрос... Кстати, хотела спросить...

— Что?

— Ты хоть помнишь, как мы познакомились, если память «дырявая»?

— Конечно! До минуты, Свет, — отложив вилку с ножом, Дима встал из-за стола и, встав на колени рядом с сидящей Светой, обнял её за ноги. — Мы же в кафе сидели с Брейкиной,

Карпухиным и Михой... Ты зашла! Ты подошла к Брейкиной... И я понял, что просто пропадаю.

— Да, ладно, — Света слегка улыбнулась, — и правда, что-то помнишь. Ладно... Давай — не соримся, всё нормально, я тебя простила. Вставай, давай кушай.

Дима положил голову на её ноги.

— Я люблю тебя, Свет.

— И я тебя, Борисов... А Брейкина до сих пор с Мишкой встречается? — Света погладила ёжик его головы.

— Почему с Мишкой? Она тогда со мной встречалась... Слушай, а почему ты меня Борисовым называешь, а? — лёжа головой на её ногах с улыбкой спросил Дима.

Молчание. Всё же он наверно её обидел, что забыл дату. Нужно, наверное, сейчас за цветами смотреться.

— Слушай, Светик! Я сейчас отъеду на минут пятнадцать, — подняв голову, посмотрел ей в глаза.

Что? Что с её глазами? Эта холодная женщина — не его Света.

— Свет, что с тобой? — удивлённо.

— Вали!!! Проваливай отсюда и больше не появляйся, — зло с неприязнью.

Дима, поднявшись на ноги, ошарашенно смотрел на неё.

— Что?! Полегче, Свет... Я вообще за цветами просто смотаться хотел.

Сел за стол взял в руки вилку. Сунул кусок мяса в рот. Пережёвывая, не смотрел на Свету. Смотрел в тарелку. Что с ней? Прошло несколько минут. Минуты в полной тишине. Было слышно только, как он ест. Было слышно только, как стучит сердце. Света сидела на своём месте, не шелохнувшись. Доев, он положил вилку и нож и поднял голову.

— Пожрал? Ну, теперь вали отсюда, — сухо, отрешённо.

У Димы внутри как что-то взорвалось! Что за хамство? Он заслужил это? Чёрт возьми!

— Да пошла ты на хрен!!! — вскочив, он вышел в коридор, одел ботинки, хлопнув дверью, вышел. Выбежал.

Захлопнув дверь машины, он долго сидел. Что за дрянь такая? В чём дело-то? На ровном месте! И по голове ещё гладила! Как можно дальше строить с женщиной какие-либо отношения, если женщина устраивает ТАКОЕ из-за того, что он забыл о дате? Что же будет дальше? Да пошла она...

Просидев в машине около получаса, он начал успокаиваться. Повернув ключ в зажигании, он направил машину к центру города.

— Вот этот букет хризантем, пожалуйста, девушка, — уже мог даже натянуто улыбаться Дмитрий.

Сев в машину, он включил любимого Neal Hoffmann. Очень любил. Успокаивало.

Поднявшись в лифте и встав перед дверью, он позвонил в звонок. К глазку поставил букет с цветами. Тишина. Звонка не было. Нажал еще раз, прислушался. Нет, точно, он всегда слышал звонок, когда звонил. Постоял. Тихо. Достав ключи, вставил в скважину. Нет — не вставляются. Света точно была дома, и её ключи не давали ему вставить ключ. Постучал. Тишина. Достал телефон, набрал. Отключен. С силой ударил с ноги в дверь. Бросил под дверь букет.

Уже спускаясь в лифте, набрал на стационарный городской номер.

— Алло.

— Света!!!

Отбой. Короткие гудки. Ну, СУКА!!!

Сев в машину, он погнал к себе домой. Всё кипело! Бешенство! Он набирал городской, там не брали трубку. Какой-то козёл еле плёлся. Ему срочно нужно домой. Там ему будет лучше, там он успокоится. Светка! Что за чёрт! Светка, я люблю же тебя! В чем дело, Светка?! Дьявол! Резко повернув руль, он вылетел за ограждение. Удар! Треск! Удар подушкой безопасности в грудь.

* * *

— Да, дружище... Напугал ты нас всех, —
Миша сидел у изголовья кровати.

— Нервы...

— Да куда же ты гнал-то?

— Светка!..

— Что, Светка?! Я как узнал, что с тобой случилось, на следующий день начал ей звонить. Телефоны не отвечают, приехал к ней. Звонок не работает, стучал — не открывает. Что с ней?

— А хрен его знает, что с ней. Вот всё, что ты Мише рассказал, то и было.

— Не понял.

— И я не понял.

— Расскажи.

— Не буду.

— ...Ну как хочешь.

— Можно потом, лан, Мих?

— А знаешь, кто у палаты сидит?

— Ты мне загадки пришёл загадывать?

— Нина.

— Брейкина?! Ни фиги себе!..

— Угу... Врач говорит, с тобой ничего страшного. Подушки помогли — иначе трындец был бы... Ты, метров десять пролетел, как лайнер.

— Да он говорил уже мне... Мих, ты уходить когда будешь... попроси Нинку зайти-то ко мне, если она еще там.

Красивая женщина. Ему с ней не так просто было расстаться. Не просто и душевно и телесно. Была ломка. Небольшая, но ломка. Но он любил Свету, и это помогло.

— Привет.

— Привет.

Молча, смотрели друг на друга. Одновременно у обоих начали проступать слёзы на глазах. У него чуть-чуть, у неё уже текли по щёкам. Одновременно потянулись друг к другу. Нежно ласково обнялись. Он, лежал, обнимая прижавшуюся к нему сидящую рядом, по-прежнему родную женщину. Он чувствовал, что что-то начинает происходить. Мир начинает меняться. В нём начали просыпаться чувства к ней и засыпать к ТОЙ.

— Я люблю тебя, Димочка... За всю жизнь так никого не любила...

* * *

Света летела в самолёте.

— Дорогая, ты о чем сейчас думаешь?

«О КОМ, а не о чем, дурак... о БОРИСОВЕ», — так и хотелось сказать.

— Ни о чем, милый, — улыбнулась. — Просто задумалась.

— Ну, подумай, подумай, — мужчина улыбался. — Знаешь, я так рад, что ты ко мне вернулась. Я так страдал без тебя весь этот год...

— И я рада, милый.

«Только на кой хрен, ты и твой Римини мне нужны?» — так и хотелось спросить.

Борисов! Скотина! Он был с Брейкиной! Как она могла подумать тогда, что она была с Мишей? Как она могла ошибиться? Еще в институте так получилось, что все мужики, которых та бросала... потом были с ней. Подруга! Как она тогда сказала? «Ты Светик, шавка подзаборная, и подбираешь все мои объедки, которые я выбрасываю», — Света прокляла всё. И вот ЭТО повторилось. Та выкинула Борисова, и, наверное, весь этот год потешалась над ней. А она, дура, до сих пор, ведь, его любит!..

Почему я не женился на ней?

Соломин сидел в очереди уже четвёртый час. Тоскливо смотрел в окно. Нужно было взять книгу или хотя бы купить газету. «Хотя... зачем газету? — нашему времени очень подходит фраза булгаковского Преображенского о советской прессе. — Сейчас даже хуже». Зевнул. Знал бы, что

придется столько сидеть в больнице — лучше бы на ногах перенёс болезнь.

— Молодой человек! Сейчас ваша очередь?

Кивнул.

— Не пропустите пожилую женщину? Мне только спросить! — женщина явно себя недооценивала. Она была старше Матвея лет от силы на десять лет.

Соломин выглядел гораздо моложе своих лет. Был подтянут, строен. Ухожен. Холён. Да и моден, в конце концов. Общее впечатление он производил лет максимум на тридцать.

— Идите, если недолго.

Очередь загудела. Матвей молчал, не считая нужным вступать в дискуссию. Опять начал смотреть в окно, думая об Ане. Её он знал уже лет двадцать пять. Они познакомились на первом курсе института. Странные были отношения с Анькой. Они оба чувствовали друг к другу непреодолимую тягу. Но вместе так и не были. Сначала Анька была замужем за его другом Князевым. Через года два развелась с ним и вышла за князевского друга Бакина. Она прожила с ним лет восемь... Детей у неё так и не было.

Всё это время, начиная с первого курса, они неизменно встречались несколько раз в году и упивались друг другом. Встречались редко —

общались часто. Раньше только по телефону, сейчас — чаще в интернете.

Матвей посмотрел на часы. С того момента, как эта «пожилая» женщина зашла спросить, прошло уже двадцать минут. Тяжело вздохнул. И собрался, было, дальше погрузиться в свои мысли, как дверь открылась и «старуха» вышла. Соломин быстро поднялся, и слегка, еле заметно, качнувшись, шагнул к двери. У него всегда кружилась голова, когда он резко вставал.

— Опять вы? Ну, что вам сказали в онкологии? — врач посмотрела на него, озабоченно поправляя очки.

— Что? — Матвей опешил. Он первый раз видел эту женщину. Три дня назад, когда он лежал дома с температурой, к нему приходила молодая девушка.

— Так это я и спрашиваю, что сказали? Химию будут делать? Вы же были у меня с утра!

— Похоже, вы меня с кем-то путаете, — Матвей озадаченно смотрел на врача. — У меня грипп.

— Путаете?... Да, возможно... Вы гораздо, гораздо лучше выглядите... Возможно, вы брат Матвея?

— Какого Матвея? — просипел внезапно пересохшим горлом Соломин.

— Матвея... Матвея Юрьевича Соломина.
Как ваша фамилия?... Что с вами?

* * *

Анна резала колбасу на кухне. Делала бутерброд, съедала, и начинала делать новый. Наконец, она остановилась. Вздохнула. Положила остатки колбасы в целлофановый пакет и открыла холодильник.

— А-а-ань! — муж кричал из комнаты.

Закрыв холодильник, тяжело вздохнула. Взяла лекарство, шприц, и, тяжело переваливаясь, понесла свои сто с лишним килограмм в комнату. Муж болел уже больше года. Последний месяц приходилось всё чаще и чаще делать обезболивающие. Аня любила своего мужа. Знакомы они были ещё с института. С того времени уже не расставались. Муж был кормилец. Она на последнем курсе забеременев и родив сына, так и не окончила институт. Потом как-то сложилось, что стала домохозяйкой. Сначала сидела с маленьким сыном. Потом была «перестройка», и она была полезнее дома, на хозяйстве. Муж, тем временем, сначала «челночил». Потом открыл несколько палаток, продавая в них пиво и сигареты. Были относительно богаты. Она уже и не стремилась на

работу, привыкла. Создавала быт. Ухаживала за подрастающим сыном и мужем.

Три года назад сын уехал в столицу и поступил там в институт. С этого времени как-то и начались проблемы. Посыпались. Сначала местные власти издали закон, запрещающий торговлю в палатках на остановках. Теперь можно было — только в магазинах. Муж нервничал. Переживал. Его фактически лишили его бизнеса. А, как известно, все болезни — от нервов. И беда не заставила себя ждать.

Сейчас им пришлось распродавать машины, загородный небольшой домик, дачу. Начали экономить уже на еде. Дохода нет, болеть дорого. А на болезнь мужа приходилось тратить ежемесячно огромные для них суммы. Так же нужно было ухитриться помогать студенту-сыну, который изредка звонил, и приезжал, когда были каникулы. Но деньги-то ему нужны были каждый месяц.

Больше удручало, что мужу даже после двух уже пройденных операций не становилось лучше, и, похоже, шансов у него было немного.

— Ну что, Матвеюшка! Опять... Больно тебе, родной?

— Да... немного есть, Анечка... Потерпеть, конечно, можно, но лучше сделай укольчик.

Что за дьявольщина? Матвей до сих пор не мог прийти в себя. Выйдя из кабинета, он так и стоял в коридоре, смотря в то же окно, как и ранее. Сердце стучало в висках. Пот лил со лба.

Эта врач. Бред. Что тут не так? Начал дословно вспоминать разговор:

— Матвея... Матвея Юрьевича Соломина. Как ваша фамилия?... Что с вами? — врач сняла очки и пристально смотрела на него.

Соломин молча сел на кушетку.

— Вы издеваетесь надо мной?

— В чем, простите?

— Это я. Я Матвей Юрьевич Соломин.

— Вы — однофамилец?. Но почему вы так похожи... на настоящего Матвея? — подбирая слова, тихо пробормотала врач.

— Какого, нахрен, настоящего Матвея?! — вскричал Соломин — Я! Я! Настоящий! О каком Матвее, вы говорите? К тому же, я — не он! Я, как видите, не болен раком.

— А что вы так кричите? — врач, видно, взяла себя в руки, и как-то даже строго взглянула.

— Простите, — тихо, приглушённо пробормотал Матвей.

— Давайте, садитесь на стул, послушаю вас. Где ваша карточка? — и, посмотрев, что он держит её в руках, протянула руку.

Посмотрев карточку, молча, начала слушать его спину. Когда он повернулся, она была бледная, как лист бумаги.

— Я вам закрываю, больничный, Матвей Юрьевич, — голос её заметно подрагивал.

В кабинете висела напряжённость. Но оба молчали, не нарушая её. Взяв больничный, он встал.

— До свидания.

— Вы только печать в регистратуре не забудьте поставить на больничный.

— Да хорошо, поставлю. До свиданья, — стоял, смотря на неё.

Врач встала и тоже пристально смотрела ему в глаза. Стояли. Пару минут смотрели ровно друг другу в глаза.

— Ну, я пошёл? До свиданья...

— Печать в регистратуре не забудьте поставить на больничный... — повторила ровным голосом врач. Лицо каменное, ничего не выражающее, но как было бледное как лист, так и осталось.

— Да. До свидания.

Развернувшись, пошёл к выходу.

— И жене своей, Анне Викторовне, привет передавайте...

Как выстрел в спину. Споткнулся.

— Я знаю, что это вы, Матвей! Спина... родинки в одних местах не бывают...

Не обернулся. Быстро вышел. Он просто испугался с ней говорить.

Стоя у окна, он вытер пот. Пот пробил всё тело. Хотя в больнице было прохладно. Кругом сидела толпа народу, и все — в этот кабинет. Медленно отвернувшись от окна, он спустился по лестнице в регистратуру, сунул бумагу для печати.

— Мужчина! Что вы мне даёте? — девушка в окошке сидела и ела яблоко.

— А что я вам даю?

— Ну, сами посмотрите, — протягивая ему бумагу, произнесла девушка.

Взяв в руки бумагу, он увидел, что это чистый белый лист. Пронзило, как током!

— Я... я, наверное, что-то перепутал... Сейчас схожу, выясню, — промямлил он и на ватных ногах начал подниматься по лестнице.

Перед кабинетом не было НИКОГО!.. Осторожно, подойдя к двери кабинета, он встал. Дыхание участилось. Сердце часто-часто било в виски. Пот. Весь в поту. Просто мокрый. Распахнул дверь.

— Заходите. Заходите — заходите, что вы стоите. Я уже уходить собралась, нет никого последние полчаса, а мне на вызовы идти! — за столом сидела девушка, что приходила к нему по вызову.

Матвей зашёл — и почти рухнул на стул.

— Как же вы пришли в таком состоянии? Вы же мокрый совершенно! Нужно было делать повторный вызов! Что же вы делаете? Со здоровьем не шутят! — девушка обеспокоенно смотрела на него.

— А где женщина?

— Какая женщина?

— Врач. Врач женщина в очках. Пожилая.

— Н-у-у-у-у... Совсем вам нельзя было из дома выходить. Продлеваю сейчас вам больничный, идите немедленно домой. Придете через неделю. Если улучшений не будет, через три дня вызывайте меня. Вы всё пьёте, что я вам прописала?

Соломин сидел на лавке и курил. Курил уже пятую сигарету подряд. Физически он чувствовал себя превосходно. Но ноги и руки до сих пор слегка подрагивали. Нервозность была вообще несвойственна ему. Даже, когда три года назад рухнул его палаточный бизнес, он, поскольку жил всегда один и был в ответе только за себя одного, совершенно не «парился». Но сейчас он испытывал